

Провизия из Цзяннани для помощи пострадавшим от бедствия наконец прибыла. Сюэ Вэню, принявшему на себя обязанности императорского уполномоченного, надлежало лично встретиться с главами пострадавших префектур и уездов. И поскольку сам он в это время находился в префектуре Нанькан, местом встречи, само собой, назначили префектурный центр.

Цзян Умянь поднялся на рассвете. Оседлав коня, он поспешил в префектурный город и направился напрямик к наньканской пристани, чтобы засвидетельствовать почтение префекту Ли и обменяться с ним парой вежливых фраз.

Префект Ли, носивший имя Ли Мин, ухаживал за аккуратной короткой бородкой и на первый взгляд казался человеком на редкость добродушным. Он не любил кичиться высоким чином и участливо поинтересовался, как Цзян Умяню живется на новом месте, пообещав поддержку управы при любых затруднениях.

Услышав это, Цзян Умянь чуть приподнял веки.

— Благодарю за заботу, господин префект. Ваш покорный слуга приложит все усилия, чтобы оправдать ваши ожидания.

Он держался в седле безупречно прямо. Слегка опущенные веки скрывали ледяное равнодушие на бледном лице, а в ровном голосе не чувствовалось ни капли искренности — сухая, формальная вежливость.

Улыбка на лице Ли Мина померкла. Он вновь присмотрелся к собеседнику, но тот оставался безучастен.

"Столичная молодежь, гонору-то сколько, — мысленно хмыкнул Ли Мин. — Но в этом суровом Линнани ему всё равно придется присмиреть и безропотно тянуть судейскую лямку".

Мысленно покачав головой, префект отвернулся и радушно заговорил с только что прибывшим судьей уезда Пинцин.

Цзян Умянь едва заметно прищурился.

"Так это и есть судья уезда Пинцин? Тот самый кукловод, который заправлял бесчинствами у моих границ?"

Закончив беседу с префектом, Фан Пин вернулся в общий строй и встал бок о бок с Цзян Умянем.

— Господин Цзян, — вкрадчиво, но достаточно громко произнес он, — правы люди: лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Поговаривают, будто вы приютили у себя толпы бродяг.

Мало того что платите им звонкой монетой каждый день, так еще и кормите трижды в сутки?

Услышав это, столпившиеся неподалеку уездные судьи перестали перешептываться и вытянули шеи, ловя каждое слово.

Цзян Умянь прибыл в эти края недавно и еще не успел сойтись с коллегами, а потому даже не подозревал, что в судебных кругах его имя сейчас у всех на устах. Поначалу все обсуждали устроенный Бай Чуханем разгром мятежников, но стоило объявить о плане расселения беженцев, как внимание чиновников переключилось на новоприбывшего столичного выскочку.

Трехразовое питание, да еще и ежедневное жалованье!

Батюшки, сколько же серебра и зерна нужно было конфисковать при разгроме мятежных семейств, чтобы иметь наглость раздавать черни такие щедрые блага?!

Уездные судьи, имевшие тайные связи с осужденными домами уезда Шаоюань, исходили желчью от зависти и одновременно холодели от страха, боясь, как бы карающий меч не обрушился и на их головы.

Фан Пин тоже был повязан с мятежниками, однако визита главнокомандующего Бая не боялся. Его супруга была побочной дочерью из клана Лю, и супруги заблаговременно подделали опись ее приданого, спрятав туда все ценности сомнительного происхождения. Разорение четырех влиятельных домов уезда Шаоюань его не волновало. Фан Пин исходил злобой из-за уплывшего из-под носа богатства: горы серебра, которые по праву должны были осесть в его собственных карманах, этот неотмирный глупец Цзян раздал безродному сброду!

Так, в одностороннем порядке, зародилась смертельная обида.

А когда доведенный до отчаяния простой люд начал повально бежать из Пинцина, предпочитая стать безродными бродягами на чужбине, лишь бы не оставаться в его уезде, ярость Фан Пина окончательно вышла из берегов. Именно тогда и созрел замысел устроить тот самый бунт переселенцев.

Другие чиновники, пусть и уступали Фан Пину в злопамятности, тоже кривились от недовольства. Зачем так усердствовать? Из-за показной щедрости Цзян Умяня они выглядели бездушными стяжателями, готовыми бросить подданных на произвол судьбы. Услышав дерзкий вопрос Фан Пина, все затаили дыхание в ожидании ответа.

Напряжение в воздухе сгустилось. Ощувив на себе десятки оценивающих, настороженных взглядов, Цзян Умянь негромко кашлянул и, ни словом не приписав заслугу себе, спокойно ответил:

— Господин Фан преувеличивает мои заслуги. Всё это стало возможным исключительно

благодаря мудрости губернатора Бая, искоренившего смутьянов и казнокрадов. К тому же императорский уполномоченный Сюэ проявил глубокое сострадание к нуждам народа, подав пример, которому мы лишь смиренно последовали.

В конце концов, за все решения отвечали стоящие на самом верху Бай Чухань и Сюэ Вэнь. Разве мог скромный уездный судья действовать по собственному произволу?

Цзян Умянь говорил негромко, но так, чтобы его слова отчетливо расслышали все вокруг:

— Уезжая, губернатор Бай особо упомянул: если обнаружатся новые зацепки, право карать виновных незамедлительно перейдет к уполномоченному Сюэ.

Намек был прозрачен: не надейтесь, что с отъездом Бая можно вздохнуть свободно — Сюэ Вэнь спуска не даст.

Самому Цзян Умяню, только принявшему дела, терять было нечего, чего нельзя сказать о сидевших на своих местах годами уездных старожил.

Фан Пин промолчал, не найдя что возразить. Цзян Умянь тоже затих, принявшись неторопливо разглядывать собравшуюся у пристани толпу.

От недавних набегов мятежников пострадало семь крупных префектур, так что встречающих набралось немало. На пирсе яблоку негде было упасть: длинные вереницы алых и зеленых халатов выстроились строгими рядами, уходящими вглубь суши.

К полудню солнце припекло нещадно, у многих почтенных мужей пот катился градом по вискам. Но как раз в это мгновение на стыке лазурного неба и лазурных волн показалась флотилия из десятка казенных джонок, медленно державших курс к берегу.

Когда суда ошвартовались, по сходням начали сходить люди. Возглавлял их молодой человек в нежно-алом халате — на редкость статный, с мягкой, благородной осанкой, являющий собой образец утонченной красоты.

Цзян Умянь, будучи выше многих сослуживцев, без труда оглядел прибывших и внезапно замер в изумлении. Во главе процессии шел человек с до боли знакомым лицом!

Сын его достопочтенного учителя — Се Сяо!

Но как так вышло? Почему вместо ставленника клана Хань прислали именно его?

— Приветствуем господина Се! — несколько префектов торопливо вышли вперед, склоняясь в глубоком поклоне.

Хотя доставивший зерно Се Сяо занимал лишь должность соправителя префектуры Линьцзян, никто из местных чинов не посмел бы выказать ему пренебрежение. Ныне он выступал правой рукой императорского уполномоченного и официально назначенным помощником комиссара по борьбе с бедствиями, так что даже префектам надлежало приветствовать его первыми.

К тому же все прекрасно знали, что Цзяннань — край несметных богатств. Префектура Линьцзян, где нес службу Се Сяо, издревле славилась как благословенный край изобилия, превосходивший их захолустье по всем статьям. Да и без оглядки на происхождение, портить отношения со столь влиятельным чиновником никто не желал.

Се Сяо окинул взглядом пеструю толпу почтенных старцев и сразу же приметил высокую, стройную фигуру своего младшего соученика.

Когда императорский указ спешно привели в исполнение, Се Сяо находился в Цзяннани. К моменту, когда весть долетела до него, Цзян Умянь уже мчался на юг, минуя Линьцзян. Тогда они разминулись, но, к счастью, кампания по борьбе с бедствием подарила им возможность наконец увидеться.

— Уважаемые господа, — обратился Се Сяо к собравшимся, — где ныне пребывает его превосходительство императорский уполномоченный? Нам необходимо сверить бумаги с его ведомством, прежде чем мы сможем выгрузить зерно на берег.

Префекты дружно повернулись к Ли Миню, отвечавшему за встречу.

У Ли Мина на душе заскребли кошки. Этот Сюэ Вэнь — просто неотесанный солдафон!

Когда Ли Мин отправил ему первую визитную карточку, этот вояка отмахнулся: мол, недосуг мне, принимать никого не собираюсь, и в Шаоюань ехать незачем, ждите казенный провиант.

Ли Мин тогда лишь беззвучно хватал ртом воздух.

Разве он из пустой вежливости напрашивался на встречу?! Да он хотел договориться, сколько провизии перепадет Нанькану! Хотел урвать кусок поближе к пирогу, а в итоге остался даже без крошек!

Но как бы Ли Мин ни исходил желчью в мыслях, вслух он вежливо проговорил:

— Когда я направлялся сюда, уполномоченный Сюэ проводил смотр войск, полагаю, в скором времени он...

Договорить он не успел. На пристани поднялся переполох, заставивший чиновников встревоженно оглянуться.

Ли Мин недовольно нахмурился. Он ведь лично велел оцепить причал, дабы никто не посмел побеспокоить почтенного гостя, и надо же было случиться такой оплошности!

— Нам пришлось немного задержаться в пути, прошу простить за ожидание! — раздался зычный голос еще до того, как говоривший показался в поле зрения.

Это был не кто иной, как сам уполномоченный Сюэ!

Сюэ Вэнь, вопреки обыкновению, предстал без доспехов, облаченный в парадный темно-алый халат. Он неторопливо въехал на пристань верхом на коне, а за его спиной нескончаемым потоком маршировали вышколенные солдаты, быстро сменявшие местных стражников на постах.

Над пристанью мгновенно воцарилась суровая военная дисциплина.

Се Сяо вежливо улыбнулся и шагнул навстречу:

— Приветствую вас, уполномоченный Сюэ.

Сюэ Вэнь от этой безупречной улыбки едва не перекосило. С трудом удержав невозмутимое выражение лица, он легко соскочил с коня:

— Вы проделали долгий путь, господин Се, должно быть, изрядно утомились. Мои люди незамедлительно приступят к приему зерна, так что нам незачем здесь задерживаться. Префект Ли уже распорядился накрыть столы в павильоне Цзуйюньсюань, чтобы достойно встретить дорогих гостей. Нам непременно стоит почтить его вниманием.

Ли Мин поспешил вмешаться, приглашая благородных господ пройти вперед. Уполномоченный Сюэ и помощник комиссара Се зашагали бок о бок, являя собой образец согласия и дружелюбия.

Затерявшийся среди почтенных мужей Цзян Умянь сохранял каменное выражение лица. Радость от встречи со старшим соучеником смешалась с изрядной долей скепсиса.

"Сюэ Вэнь наверняка спит и видит, как бы использовать старшего брата вместо мишени для стрельбы из лука, — мысленно усмехнулся он. — И сколько же дней ему пришлось тренироваться перед зеркалом, чтобы изобразить это радушие?"

Дело было вовсе не в том, что Сюэ Вэнь уступал Се Сяо в силе. Случись им сойтись в кулачном бою, Сюэ Вэню хватило бы мгновения, чтобы уложить противника, а потом на коленях умолять того не испускать дух от легкого тычка. Се Сяо был типичным книжным червем, не смыслящим в ратном деле. Зато его язык разил острее меча; Сюэ Вэнь в словесных баталиях неизменно проигрывал, искусанный ядовитыми насмешками до белого каления. То, что

сегодня он сумел сдержать нрав, требовало поистине нечеловеческого усилия.

Но... откуда Сюэ Вэню стало известно, что караван ведет именно Се Сяо? Во время их недавней встречи на рудниках Цзян Умянь и словом об этом не обмолвился.

Пока Цзян Умянь предавался размышлениям, адъютант Сюэ Вэня принялся руководить выгрузкой провианта. Мешки с зерном один за другим ложились на повозки.

Оставшиеся на пирсе уездные судьи жадно провожали взглядами каждую телегу, лихорадочно подсчитывая общие объемы и прикидывая, какую долю им удастся выбить для своих уездов.

Цзян Умянь тоже прикинул в уме: судя по числу принятых им переселенцев, Шаоюаню причиталась весьма внушительная часть. На первое время голод Шаоюаню больше не грозил, а значит, можно было расширить наем рабочих. Как только снимут первый урожай раннего риса, начнется строительство сталелитейного завода в горнодобывающем районе. После этого дела окончательно войдут в колею.

Приезд Се Сяо действительно избавил Цзян Умяня от лишних тревог. Теперь не нужно было скрывать свои начинания, и все задумки можно было воплощать без оглядки на чужое мнение.

Окажись на месте Се Сяо ставленник клана Хань, неизбежно начались бы бесконечные козни и подковерная борьба. Это не только отняло бы драгоценное время, затормозив развитие Шаоюаня, но и нажило бы ему опасных врагов. И хотя при нынешнем образе действий Цзян Умянь рано или поздно все равно кому-нибудь перешел бы дорогу, появление людей Хань усугубило бы его положение в стократ.

С этими мыслями Цзян Умянь пошел вслед за наньканскими судьями. Шли они совсем в другую сторону, нежели свита императорского уполномоченного.

На пышный приветственный пир пригласили исключительно префектов. Скромным уездным судьям полагалось лишь засвидетельствовать почтение на пристани и вовремя скрыться с глаз. В конце концов, это застолье Ли Мин оплачивал из собственного кармана, и кормить за свой счет ораву уездных чинуш ему совсем не хотелось.

Конечно, императорским уполномоченным при исполнении обязанностей полагалось казенное содержание — своего рода командировочные выплаты, так что ни самому уполномоченному, ни принимающей стороне тратиться не приходилось. Правда, казенное содержание всегда жестко нормировалось, дабы пресечь расточительство. А «нормой» считалось самое простое: лишь бы гость наелся и не протянул ноги от голода.

Если в казенной поездке требовать изысканных яств, то это уже не служба, а чистой воды лихоимство. И всё же, хоть двор и установил строгие правила, местные власти не смели следовать им буквально. Вдруг императорский уполномоченный окажется злопамятным и из мести погубит карьеру? Вот префекты и не скупились, устраивая за свой счет роскошные

приемы.

Ли Мин не стал исключением. Накрыть стол для уполномоченного и нескольких коллег-префектов было делом привычным, но созывать еще и всех уездных судей — непозволительное мотовство. Да и решился бы он устраивать столь многолюдное сборище?

Поэтому Цзян Умяня и прочих уездных судей спровадили в обычный трактир неподалеку — заведение простое, но добротное, где можно было сытно пообедать. Ли Мин, видимо, понимая неловкость ситуации, выкупил целиком второй и третий этажи. Наверху располагались отдельные кабинеты, а на втором — столы, разделенные легкими ширмами.

Хоть все они и носили одинаковый чин уездного судьи, внутри их сословия существовало негласное старшинство. Самые опытные, чьи уезды процветали, а сами они пользовались благосклонностью префекта, сегодня поднимались на третий этаж.

Цзян Умянь, будучи самым молодым чиновником с наименьшим стажем, разумеется, остался на втором этаже, разделив стол с тремя такими же младшими коллегами из своей префектуры.

Едва они расселись, как сосед слева вполголоса поинтересовался:

— Господин Цзян, уполномоченный Сюэ довольно долго пробыл в вашем уезде. Не согласитесь ли вы дать нам хотя бы малейшую подсказку касательно его намерений?

<http://bllate.org/book/19045/1950857>